

Ты будешь только моей

Автор:

Ольга Баскова

Ты будешь только моей

Ольга Баскова

Сколько Катя себя помнила, она была красавицей. Как и многие девушки с выдающейся внешностью, мечтала стать актрисой, оказаться в Голливуде, очаровать весь мир! Второй мечтой стало завоевать сердце любимого, который почему-то предпочел другую. Пускаясь на любые ухищрения, Катя не заметила, как сама попала в ловушку. И тогда... Ее лишили лица. Теперь она обречена жить со страшным шрамом, изуродовавшим и тело, и душу. К счастью, девушка встретила любящего человека, готового ради нее на все. Но оказалось, что первая любовь жива в сердце Кати и по-прежнему не дает ей покоя...

Ольга Баскова

Ты будешь только моей

Глава 1

Медовый месяц Светланы и Игоря выпал на самое жаркое время – июль. Скучная зарплата инженеров в конструкторском бюро мешала осуществлению грандиозных планов. Однако молодые не отчаивались. У них было то, чего нет порой у людей, – светлая и искренняя любовь. А еще имелась отдельная однокомнатная квартира, подарок бабушки, перешедшей жить к родителям.

Света и Игорь нашли свой способ времяпрепровождения. Хотя река их родного города не могла сравниться с Волгой или Днепром, на ее песчаных берегах имелись очень неплохие пляжи. Один из них они открыли, когда еще не были женаты. Полчаса мучительной езды в автобусе, приятная прогулка по лесочку вдоль реки – и ты на месте. Между двумя огромными валунами, неизвестно как появившимися именно здесь, промытый речной песок отливал золотом, в прохладной воде можно было разглядеть каждую травинку, каждый камешек. Над одним из валунов распростерла ветви старая, по-видимому, столетняя сосна, упорно тянувшаяся к воде и дававшая хорошую тень истомленным жарой людям. Облюбовавшие это место молодожены всегда удивлялись: почему здесь никого нет? Неужели никто до сих пор не обратил на этот благословенный уголок никакого внимания? И, удивляясь, радовались: им вовсе не хотелось делить это место с кем-нибудь еще.

Вот и в тот день молодые люди, понежившись от души в постели, позавтракав и взяв с собой перекусить, отправились на пляж. Выдержав автобусную толкучку, они с наслаждением вдыхали пряный лесной воздух.

– Как хорошо, господи! – воскликнула Светлана, подняв руки к небу.

– Скоро здесь будет не так хорошо. – Игорю не хотелось разочаровывать жену, но выхода не было: она сама бы все увидела, если не сегодня, то завтра. – Смотри, скоро «Теремок» и его посетители составят нам конкуренцию.

«Теремок» был недавно построенной забегаловкой в стиле лучших сказок. Наблюдая за быстрым возведением еще одного загородного кабака, Игорь и Света предположили, что он принесет хозяевам одни убытки: ну кто потащится сюда в жару даже на машине, если имеются заведения гораздо круче? Но, видимо, ошибались. Сегодня возле «Теремка» выстроился ряд иномарок, их владельцы наслаждались отдыхом не хуже молодоженов.

– Им ничего не стоит набрести на наш пляж! – ахнула Света и с надеждой посмотрела на мужа: может, разубедит?

Но Игорь считал точно так же.

– Да, гуляющим ничего не стоит пройти лишний километр, – заметил он, – или будут подъезжать туда прямо на машинах.

Света закрыла лицо руками:

- С этого дня я буду считать последним каждое пребывание здесь.

В ее голосе послышались слезы. Молодой человек обнял жену и крепко прижал к себе.

- Ты никак умирать собралась, старушка? - шутливо произнес он и добавил: - Возможно, ты права, и наше благословенное место мы потеряем. Конечно, это минус. Но... - Парень вдруг схватил Светлану на руки и закружил: - Мы молоды, любим друг друга, у нас здоровые, крепкие и быстрые ноги, и мы хотим найти еще один уединенный пляжик. Большой плюс, ты согласна? Кто сказал, что в округе такой в единственном числе? Возможно, через пятьдесят, пятьсот, тысячу метров нас ждет что-то более шикарное. А кто помешает нам пройти это расстояние?

Он бережно опустил жену на землю. Она кивнула головой и вытерла набежавшие слезы.

- Впрочем, - Игорь поднял вверх указательный палец, - пока я не вижу желающих посягнуть и на этот пляж. Так что новоселье откладывается на неопределенное время.

Света повернула к нему разгоряченное лицо, и они нежно поцеловались, а потом, крепко взявшись за руки, почти бегом направились к сосне. Когда до нее оставалось метров тридцать, Игорь, внимательно посмотрев на большой куст, росший по левой стороне тропинки, заметил:

- Кажется, наши первоначальные предположения оправдались. Посетители «Теремка» будут приезжать туда покушать, а освежиться и поспать пойдут на наше место. Гляди!

Он вытянул указательный палец, и Света проследила направление взглядом. Под кустом лежал человек. Раскидистые ветви почти полностью скрывали его от посторонних глаз. Женщина увидела ноги в белых брюках, обутые в новые начищенные ботинки. Она выдернула руку из горячей руки мужа и побежала к кустарнику, намереваясь раздвинуть ветви, но остановилась на полдороге: ее

охватил какой-то безотчетный страх.

– Куда ты? – окликнул Игорь жену. – Хочешь оказать ему первую медицинскую помощь? К сожалению, мы не взяли с собой ведро, чтобы окатить водичкой.

Света впервые за их короткую совместную жизнь зло посмотрела на супруга:

– А если ему плохо? Посмотри, как хорошо он одет. Где бутылки, если он устроил здесь пьянку? Не мог же такой пьяный идти такое большое расстояние от «Теремка»?

Но Игорь не поддержал жену.

– Вот мисс Марпл, – засмеялся он. – По торчащим из кустов ногам всю историю рассказала. Теперь не тушуйся, доведи расследование до конца, иди к кусту, раздвинь ветви. Уверен, там ты обязательно увидишь еще кое-что.

Света вернулась к мужу и схватила его за локоть:

– Прошу тебя, пойдём вместе.

Парень пожал плечами, всем своим видом показывая бесполезность затеи, но послушно пошел к кусту и, раздвинув ветви, посмотрел на лежащего. Света ахнула. Игорь почувствовал, как по его лицу заструился холодный пот.

Бутылок молодожены не обнаружили. Зато в спине мужчины торчала рукоятка ножа.

Глава 2

Ошалелые молодожены, мечась в поисках средства связи, сначала пытались останавливать проезжавшие машины в надежде позвонить в милицию с мобильного телефона. Но в этот день у людей не было желания останавливаться, и тогда Игорь и Светлана бросились в «Теремок», отыскивали

директора, сбивчиво объяснив, что произошло. На их счастье, тот не мешкал и немедленно набрал нужный номер. Через пятнадцать минут над убитым склонились оперативники и эксперт.

– Мастерский удар ножом в спину, задето сердце. Крови немного, мгновенная смерть, – сказал Станислав Михайлович, осмотрев труп.

Константин Скворцов в это время изучал содержимое карманов мертвеца.

– На ограбление не похоже, – процедил он сквозь зубы. Оперативник терпеть не мог загадочных преступлений. Все они тянули на «глухарь» и могли принести отделу только неприятности. – Документы и деньги на месте.

– Вы уверены, что все деньги на месте? – поинтересовался проходящий стажировку в отделе Петя Прохоров. – Может быть, что-то взяли, а что-то оставили?

– В портмоне пятьсот долларов, – констатировал Скворцов. – Рассчитай мне, будь добр, сколько «мелочи» могло находиться при убиенном и сколько взяли грабители?

– Если он крупный предприниматель, то мог иметь гораздо больше, – убежденно заговорил Прохоров. – Допустим, ехал к кому-нибудь на встречу и вез крупную сумму.

– Он не просто предприниматель, – Скворцов протянул юному коллеге паспорт убитого. – Это же Григорий Васильевич Поленов.

– Вы его знаете? – удивился стажер.

– В нашем городке его знает каждый. Поленов – директор комбината «Рембыттехника».

Глаза юноши вспыхнули:

– Тогда заказное убийство?

Старший товарищ не разделил его восторга. Он скептически улыбнулся и ответил:

– Не думаю. Когда-то это было крупное предприятие. Теперь, насколько я слышал, оно живет за счет сдаваемых в аренду помещений. От комбината осталось одно название. Впрочем, возможно, кое-что они и ремонтируют. Но не думаю, что в больших количествах и мошенническим путем. Впрочем, все проверим.

Он повернулся к мертвецу спиной и устало направился к машине, думая, что закадычного дружка Павла Киселева все же придется потревожить. Дело стоило того.

Глава 3

О своей красоте она знала с юных лет. Родные не баловали ее комплиментами, но она и не нуждалась в них. Ей нравилось оставаться дома в одиночестве. Тогда она подходила к большому зеркалу, садилась на мягкий пуф и, пристально разглядывая себя, начинала водить расческой по волосам или брала тяжелую копну обеими ладонями, поднимала и подбрасывала вверх. Черная блестящая волна окутывала ее, скрывая почти всю и доставляя неизъяснимое блаженство. Налюбовавшись волосами и очередной раз придя к выводу, что таких нет ни у одной женщины или девочки в городе, она закалывала их и пристально разглядывала свое лицо. Оно действительно поражало безупречностью черт: пухлые красивые губы, тонкий нос, высокие скулы, матовая кожа. С такой внешностью на роду написано стать великой актрисой, и она станет ею. Сначала ВГИК, именно ВГИК, а не какой-нибудь заштатный провинциальный театральный, потом глоток славы на отечественных подмостках, а после... После – Голливуд. При этом слове замирало сердце. Для нее эта сказка непременно станет явью. Она красива и талантлива, и ее обязательно заметят. Она сделает все, чтобы заметили. Она добьется своего. Другая жизнь ей не нужна.

* * *

От дребезжания телефона Павел Киселев, еще секунду назад наслаждавшийся беззаботным дневным сном, подскочил на кровати и бросил тревожный взгляд на жену. К его радости, Настя что-то пробормотала и повернулась на другой бок, так и не проснувшись. Оперативник, выругавшись, пулей слетел с постели, прижал к уху телефонную трубку и зашлепал на кухню, унося ненавистный аппарат подальше.

– Слушаю! – в это короткое слово он постарался вложить всю ненависть человека, разбуженного в самый неожиданный момент. Впрочем, человека на том конце провода это не смутило.

– Паша, – услышал он до боли знакомый голос Константина, – у нас труп. Сам подъедешь или машину прислать?

Киселев мысленно пожелал товарищу пойти к черту, а вслух буркнул:

– Сам. Кофе свари.

Положив трубку, он на цыпочках направился в комнату. К его удивлению, Настя встала и быстро приводила себя в порядок.

– Не надо мучить бедного Константина, – сказала она, подойдя к мужу и поцеловав его в небритую щеку. – Я сама сварю тебе кофе и приготовлю что-нибудь на скорую руку.

– Настюша, родная, – Павел крепко обнял ее. – Ты можешь понежиться в кровати, у тебя законный отпуск.

– Ну уж нет, – решительно ответила женщина. – Сама знаю, что мне делать.

Она вырвалась из объятий Павла и отправилась на кухню. Через пятнадцать минут чисто выбритый и накормленный Киселев стоял у входной двери и прощался с женой.

– Как я жил без тебя все это время? – шептал он ей на ухо. – Как я боюсь тебя потерять теперь!

– Ты не потеряешь меня, – заверила его жена, нежно целуя, – потому что я боюсь потерять тебя.

Глава 4

Алексей Степанович Кравченко тоже не обрадовался новому делу. Дожидаясь прихода оперативников, он выглянул в распахнутое окно и с грустью констатировал, что день безнадежно испорчен. Судя по донесениям такого опытного оперативника, как Скворцов, им предстоит большая и нелегкая работа. А впрочем, кто его знает? За многие годы работы полковнику попадались разные дела. Иногда на первый взгляд безнадежный «глухарь» раскрывали за несколько часов, а порой такое, казалось бы, ясное и понятное дело превращалось в висяк. Что преподнесла судьба на этот раз?

Константин коротко и обстоятельно доложил обстановку, добавив, что им не удалось проследить, откуда пришел Поленов на место гибели. Вызванный кинолог пытался направить собаку по следу, но она кружилась на месте. Выходило, что преступники подвезли жертву на машине и бросили в кустах. Их след собака тоже не взяла.

– Преступники? – прервал Кравченко отчет Скворцова. – Ты сказал: преступники? Почему ты решил, что их было несколько?

– Поленов – крупный мужчина, – пояснил Константин. – Убийца должен быть Геркулесом, чтобы справиться с ним без помощника.

– Если не было внезапного нападения.

– Можно предположить, – подал голос Киселев, – что преступник именно там и убил Поленова. Но мы обратили внимание на траву. Она смята сильнее, чем при ходьбе человека с пустыми руками или малым грузом. На этом основании нами и был сделан вывод. – Он вздохнул и добавил: – Если Станислав Михайлович не подбросит нам чего-нибудь интересного, а на месте преступления он этого не сделал, то, к сожалению, у нас все. Утром ведь еще роса выпала, так что следы теперь совсем нечеткие.

- Намеченные действия? - поинтересовался Кравченко.

- Сначала отработать версию заказного убийства, - ответил Павел. - Вдруг повезет. А если нет - по старому плану: семья, связи. Версию ограбления мы с Костей отмели, - и Киселев пояснил почему.

- И все же эта версия имеет право на существование, - не согласился с ним полковник.

- Кое-кто тоже так считает, - усмехнулся Константин, поглядывая на Петра Прохорова. - Ему и карты в руки.

- А семье уже сообщили? - подала голос Лариса.

- Сразу же, - отозвался Павел.

- Интересно, - женщина хотела что-то сказать и замолчала. После случая с Кочетовым Лариса не торопилась высказывать свое мнение, хотя коллеги много раз говорили ей: они считают и считали его достаточно ценным.

- Договаривай, коль начала, - обратился к ней Кравченко.

- Жена у него грузинка, - задумчиво произнесла оперативница. - По фотографии Поленов - видный мужчина. Он мог иметь любовницу. А у жены отец, брат.

- Месть? Понимаю, - кивнул Алексей Степанович. - Обязательно проверим.

Громкий стук в дверь возвестил о прибытии судмедэксперта Станислава Михайловича, который, впрочем, не добавил ничего нового к предположениям сыщиков. В крови покойного алкоголь содержался, но доза ничтожная, никак не могущая превратить здорового и дородного мужчину в тряпку. Как бы ни действовал убийца, покойный не оказал ему никакого сопротивления, добровольно подставив спину для нанесения смертоносного удара. Из большого отчета криминалиста следствию могла помочь только одна фраза, подтверждающая версию Скворцова и Киселева.

– На рубашке покойного обнаружены ворсинки. Их составляющие говорят о том, что они могут принадлежать чехлам для машинных сидений. Возможно, убитого доставили на машине, о чем и говорили ребята. – Криминалист вздохнул: – К сожалению, больше добавить ничего не могу.

– И за это спасибо, – поблагодарил Алексей Степанович, – будем исходить из имеющегося материала. Все свободны.

* * *

Пете Прохорову ужасно хотелось поймать первого в своей жизни преступника, ну, если не поймать, то, по крайней мере, выдать гениальную версию, опираясь на которую сделать это не составит труда. Улизнув от Киселева и Скворцова и не подозревая, что они крайне обрадовались этому обстоятельству (оба терпеть не могли, когда кто-то путался у них под ногами), он еще раз посетил судмедэксперта, уточнив, какой, по его мнению, сорт водки пил покойный и много ли имеется в городе заведений, где эту водку ему могли продать. Ответ Станислава Михайловича не продвинул его ни на шаг. По мнению криминалиста, Поленов пил дорогой «Абсолют», продающийся в некоторых киосках, не говоря уже о крупных магазинах и тем более о каждом ресторане или кафе. Сначала Петю это озадачило, но потом он вспомнил: ближайшее заведение от места преступления – недавно открывшийся ресторан «Теремок». Поленов вполне мог наслаждаться «Абсолютом» на природе. Стажер сел в автобус и отправился в «Теремок».

Хозяин заведения, откровенно говоря, нежданному гостю не обрадовался, но выразил готовность оказать помощь.

– Сам я этого товарища не видел, – он вернул Пете фотографию Поленова. – Однако если в тот вечер он был у нас, его обслуживали либо Галя, либо Вера, либо Надя.

Прохоров приуныл, сообразив, что ни одной девушки из позавчерашней вечерней смены сейчас в ресторане нет, но чуть-чуть ошибся.

– Веры и Нади нет, – подтвердил его предположения шеф, – но Галя подменяет заболевшую подругу. Да вот она. Галя! – окликнул он девушку, как две капли

воды похожую на своих коллег-официанток, облаченных в русские национальные костюмы. – Иди-ка сюда, поговори с человеком.

Миловидное лицо девушки озарилось дежурной улыбкой, державшейся до тех пор, пока она не узнала: на ее внимание претендует человек из милиции.

– Это насчет вчерашнего, – успокоил ее хозяин. – Поговорите в моем кабинете, там будет спокойнее.

Он проводил их в маленькую уютную комнатку и жестом предложил сесть на диван.

– Говорите сколько влезет, – милостиво разрешил директор ресторана. – А меня, с вашего позволения, дела ждут, – и закрыл дверь.

Прохоров взглянул на девушку. Она нервно комкала в руках белоснежный носовой платок.

– Зря нервничаете, – попытался успокоить ее Петр. – Вы тут совершенно ни при чем и интересуете меня как свидетельница. Вы обслуживали позавчера этого человека? – Он протянул официантке фотографию Поленова.

Галя взяла фотографию и стала пристально ее разглядывать. За эти секунды Петр вспомнил все молитвы, и Небеса его услышали.

– Да, – девушка бросила последний взгляд на снимок и вернула его стажеру. – Этого мужчину обслуживала именно я. Так это его нашли мертвым недалеко от нашего ресторана?

Прохоров кивнул.

– Расскажите, пожалуйста, все, что вы заметили, – попросил он.

Девушка наморщила лобик:

– Ну, пришел, сел за столик в углу.

- Один пришел? - перебил ее Петя.

- Один, - кивнула Галя. - Заказал бутылку «Абсолюта». Знаете, это не первый мой клиент, и я научилась разбираться в их психологии. Этот мужчина пришел к нам, чтобы напиться. По всему было видно, у него на душе кошки скребут. Но почему-то напиваться не стал. Бутылку водки заказал без закуски, а сам выпил всего рюмки две. Сидел, уставившись пустым взглядом в пространство.

- И долго сидел? - поинтересовался стажер.

- Долго, до закрытия ресторана. Я была вынуждена подойти и предупредить его, что мы закрываемся. У нас не круглосуточное заведение, работаем до одиннадцати вечера. Вот до этого времени он и просидел.

- И к нему так никто и не подошел? - продолжал расспрашивать Петя.

- Никто. Разве что на долю секунды. Это я скидку делаю на свои отлучки за закуской и выпивкой. А чтобы надолго - никто. - Девушка опять наморщила лоб, но ничего не припомнила.

- А как он прореагировал, когда вы сообщили о закрытии ресторана? - продолжал спрашивать Прохоров.

- Нормально, - ответила официантка. - Кивнул и стал подниматься из-за стола.

- Но в такую пору автобусы уже не ходили, - не унимался Петя.

- Знаете, я тоже об этом подумала, - улыбнулась Галя. - И сказала ему. А он мне в ответ: «Не волнуйтесь, доберусь». Кстати, я несколько раз ему об этом говорила. За нами, то есть за персоналом, около двенадцати специальный автобус приходит. Я из окна выглянула: возле ресторана ни одной машины. Тут мой посетитель из дверей выходит. Я ему кричу: «Не хотите немного подождать и с нами на автобусе?» А он мне отвечает: «Милая девушка, сейчас я по мобильнику вызову своего шофера, в крайнем случае - такси. Огромное вам спасибо за беспокойство». Рукой помахал и пошел к шоссе. Больше я его не видела.

– Вы уверены, что возле ресторана никого не было? – уточнил Петр, вспоминая, говорил ли кто-нибудь из его коллег про найденный у потерпевшего мобильник, и пришел к выводу: телефон при убитом отсутствовал.

– Ни души! – кивнула Галя. – Я внимательно посмотрела по сторонам.

Далее Прохоров задал еще несколько вопросов относительно того, когда пришел автобус за персоналом и не видела ли девушка еще чего-нибудь необычного. Однако больше официантка не сообщила ничего важного, и молодому человеку пришлось распрощаться с милой девушкой.

– Я вам хоть чуточку помогла? – спросила она, провожая его до дверей.

– Очень, – стажер не лукавил.

Лицо Гали озарилось широкой улыбкой.

– Знаете что? – предложила она. – Приходите как-нибудь к нам. Блюда у нас недорогие, но очень вкусные. Высчитайте мою смену, а еще лучше, – она подбежала к соседнему столику, вытащила салфетку и написала на ней телефон, – позвоните мне, когда вздумаете прийти. Обслужу вас по высшему разряду, и поговорим. – Девушка вдруг покраснела. – Я сама хотела поступать на юридический. Пока не получается, однако не теряю надежды. Придете?

Прохоров кивнул. Он ничего не имел против свидания с хорошенькой официанткой, к тому же еще оказавшейся важной свидетельницей.

Глава 5

Высказав версию о том, что преступление мог совершить кто-нибудь из членов семьи покойного, Лариса отправилась к Нане Поленовой, его вдове.

Дверь ей открыла худенькая измученная женщина с красным, опухшим от слез лицом.

– Нана Тевосовна? – уточнила Лариса, подумав про себя, как быстро блекнут кавказские женщины. Черты лица Наны были безукоризненны, для многих тридцать пять лет – не возраст, но время, а может, страдания наложили на лицо вдовы свою косметику, и эта косметика отнюдь ее не красила.

– Вы из милиции? Проходите. – Поленова пригласила Ларису в большую гостиную, обставленную дорогой мебелью. – Садитесь.

Кулакова осматривала квартиру и думала о том, что поразило ее с первого взгляда. Все вокруг сверкало чистотой, но казалось каким-то холодным. Квартире Поленовых не хватало уюта. Отсюда мужчина всегда будет рваться на волю, даже если на кухне его ждет вкусная еда, а жена соблаговолит сменить мятый халат и стоптанные тапочки (именно в этом одеянии сидела перед Ларисой Нана, и оперативница дала бы голову на отсечение, что это ее повседневный домашний облик) на красивое вечернее платье.

– Скажите, – обратилась Кулакова к вдове, – не замечали ли вы в последнее время чего-нибудь необычного в поведении мужа?

– Нет, – тихо ответила женщина.

Оперативница помедлила секунду, чтобы задать следующий вопрос:

– Сколько лет вы вместе?

– Пятнадцать, – ответила грузинка. В ее тоне ничего не изменилось.

– Нана Тевосовна... – Лариса ругала себя последними словами, однако не могла не задать следующих вопросов: – Вы хотите, чтобы мы поймали убийцу вашего мужа?

– Почему вы спрашиваете? – Большие черные глаза не мигая смотрели на Ларису. – Вы подозреваете меня?

– Я была бы плохим сыщиком, если бы подозревала вас. – Кулакова старалась выдержать тяжелый взгляд. – Просто подготавливаю вас к одному вопросу, который необходимо задать. Вы любили Григория?

– Если вы намекаете, что я жила с ним под одной крышей, как покорная грузинская жена, отвечаю: мы не в горах. – Нана впервые за время разговора отвела глаза.

Лариса еще раз обвела взглядом гостиную. В этой большой комнате пятнадцать лет жили два человека. Они произвели на свет двоих детей, но не увековечили совместного проживания ни в фотографиях на стенке, ни в каких-то милых мелочах. Возможно, где-то на полках хранились альбомы в бархатных переплетах, с фотографиями, запечатлевшими счастливых молодоженов, а потом молодых родителей. Однако все это было убрано подальше от глаз. Мертвый Поленов не удостоился даже портрета в траурной рамке.

– Ради бога, извините меня за бестактность, – она не знала, как расположить к себе вдову. Скорее всего, это просто невозможно, однако сыщица еще не закончила беседу и не выяснила самое главное. – Я верю: вы любили друг друга. И все же Григорий – интересный мужчина на хорошей должности. Женщины к таким так и липнут.

– У вас нет сердца. – Лицо Наны приняло землистый оттенок. – Вчера мне сообщили о гибели мужа, а сегодня пытаются, не было ли у него любовницы. По моему, я ответила вам: грузинская женщина не станет терпеть унижений. Мы любили друг друга и потому прожили пятнадцать лет. Если бы не это ужасное происшествие, мы прожили бы еще как минимум пятьдесят. А теперь уходите. Я не желаю разговаривать с вами.

Лариса посмотрела в глаза вдовы, ставшие холодными, как льдинки, и, поняв: сегодня она ничего не узнает, вышла из квартиры, уверенная в своих первоначальных предположениях.

Нана закрыла за ней дверь, прислушалась к шагам и, когда на лестнице все стихло, подбежала к телефону. Набрала номер. Едва в трубке скрипучий голос произнес: «Алло», она закричала:

– Ты мразь, мразь! Ты убил его!

Ее собеседник, по-видимому, не понимал, что от него хотят, и тогда вдова заорала еще громче:

- Ты все же убил Григория, как обещал! Ты сделал это! Мразь! Ненавижу!

Собеседник тоже повысил голос:

- Ты хочешь сказать, что твоего ублюдка муженька наконец кто-то прикончил?

- Не паясничай! - Женщина билась в истерике. - Это сделал ты! Я знаю! С этого дня не подходи ко мне близко, а не то я сообщу милиции!

Она бросила трубку и, войдя в гостиную, упала на диван и разрыдалась.

Глава 6

Пока стажер испытывал свое везение в «Теремке», а Лариса навестила Нану Поленову, их коллеги Скворцов и Киселев искали следы преступления в «Рембыттехнике». Начисто исключив версию заказного убийства (для этого пришлось проверить многие каналы), оперативники старались нащупать другой след, и это удавалось им с трудом. Заместитель Поленова, Николай Николаевич Заметов, маленький пухленький мужчина лет пятидесяти, с готовностью рассказывал друзьям о деятельности комбината, показывал документы и уверял: никаких нарушений здесь просто не может быть. Сыщики и сами это видели. Они помнили комбинат в дни своей юности солидным заведением, а сейчас от него осталось одно здание. Зачем этому заведению еще требовались директор, секретарь, заместитель и бухгалтерия - оставалось загадкой, дать правильный ответ на которую могла только госадминистрация. Впрочем, как полагали сыщики, к убийству Поленова это не имело ровно никакого отношения.

Выразив благодарность заместителю за подробный рассказ, Киселев и Скворцов направились дальше. Открыв дверь с табличкой «Секретарь», мужчины остановились как вкопанные. Им навстречу двигалась женщина. Но какая! Длинные стройные ноги, полные чувственные губы, крутые бедра, густые светлые волосы. Это было сочетание красоты и сексуальности в одном лице. Соблазнительной была каждая выпуклость на ее теле, и у мужчин пересохло во рту. Первым опомнился Павел:

– Валерия Евгеньевна Соколовская? – обратился он к прекрасной даме.

– Да, – голос секретарши был низкий и томный. – Я тоже знаю, кто вы. Будьте любезны, поскорее задавайте свои вопросы, мне надо подготовить отчет в бухгалтерию.

Она села в кресло, изящно положив ногу на ногу, вызвав тем самым у Скворцова воспоминания о позе Шарон Стоун в «Основном инстинкте». Киселев, разглядывая девушку, думал о том же: перед ним сидит не кто иной, как любовница Григория Васильевича Поленова, что бы она ни сказала. Бывают дамы, способные соблазнить даже умирающего. Вряд ли сидевший в соседнем кабинете мужчина оставался равнодушным к таким телесам, находящимся от него в непосредственной близости.

– Валерия Евгеньевна, – Константин наконец собрался с мыслями, взял себя в руки и решил задать вопрос, – как бы вы охарактеризовали вашего шефа?

– О, только положительно, – ответила красотка, включив компьютер и начиная щелкать мышью. – Что еще?

Секретарша явно издевалась над ними.

– Положительно в каких смыслах? – скептически поинтересовался Павел.

Красотка не растерялась:

– Доблестная милиция пояснит смысл вопроса?

– Всенепременно. – Скворцов вплотную подошел к ее столику и заглянул в голубые глаза. – В каких отношениях вы были со своим шефом?

– Ах, это. – Валерия поправила прическу и снова взглянула на монитор. – Босс и секретарша, естественно. Надо рассказать, как я вела документацию? Мне кажется, это ужасно скучно.

– Кончайте паясничать, – рассвирепел Киселев. – Мы можем вызвать вас повесткой.

– Вот-вот, – на лице Соколовской не отразилось никаких эмоций. – Вы меня вызываете, или я сама иду к вашему начальству и рассказываю, как два здоровенных лба, так называемых представителя закона, оскорбляют женщину, намекая на ее безнравственное поведение. Между прочим, у меня муж и двое детей. У Григория Васильевича тоже осталась семья, если это имеет значение. Так что жду повестку.

Она повернулась к монитору, всем своим видом демонстрируя глубочайшее презрение.

– Послушайте, девушка, – Константин начал закипать, – мы, как вы изволили выразиться, представители закона и не сплетни собирать пришли. И, как вы еще справедливо заметили, у вашего шефа остались двое детей. Раскрытие этого преступления для нас крайне важно. Учтите, ваше нежелание помочь следствию...

– Ах, оставьте красивые фразы для кино, – бесцеремонно перебила его Соколовская, – и не мешайте работать.

Она встала из-за стола и направилась к двери:

– Ввиду моей чрезвычайной занятости разговор окончен. Возможно, я захочу поговорить с вашим начальством.

Глава 7

Тетя Даша с папкой документов направлялась в кабинет секретаря. Произнося слова, так оскорбившие добродетельную секретаршу, Скворцов не знал, что в нескольких шагах от кабинета находится чрезвычайный и полномочный посол страны сплетен – шестидесятилетняя Дарья Ивановна Михайлова. Такие тети Даши есть на каждом предприятии, в каждой организации. Они купаются в слухах, как саламандра в огне, все про всех знают, охотно делясь своими познаниями с окружающими и вовсе не считая себя исчадьем ада. Как бойцы невидимого фронта, эти люди неожиданно появляются в самых разных местах и так же неожиданно исчезают, почерпнув для себя море полезной информации.

Для них не существует физических, нравственных или этических преград. Чтобы получить достоверные сведения, они пройдут огонь, воду и медные трубы.

Тетя Даша была достойным представителем этого племени. Наверное, именно поэтому она пережила трех директоров и проработала в «Рембыттехнике» тридцать лет. Что греха таить, иногда директора сами прибегали к ее услугам. Если очередному начальнику нужно было убрать какого-нибудь сотрудника, он вызывал в кабинет Дарью Михайлову и плотно прикрывал за ней дверь. Шеф знал: эта милая дама снабдит его всеми нужными сведениями, а не имеющиеся у нее по какой-либо причине добудет. И Дарья Ивановна оправдывала надежды. Стоило сотруднику комбината оказаться в больнице, его диагноз проверялся с особой тщательностью. Еще никому не удавалось обмануть бдительную женщину или что-нибудь скрыть от нее. Информация проверялась и выдавалась начальнику, начинавшему без зазрения совести увольнять негодных по состоянию здоровья, залихватски бросая в глаза человеку диагноз, который тот намеревался скрыть, или с гордостью от своей осведомленности сообщая о безнравственном, по его мнению, поведении сотрудника.

Коллектив догадывался, кто удружил шефу, и Михайлову панически боялись, что, впрочем, не мешало порой в мирной обстановке (такова человеческая натура!) выпить с ней чаю и поболтать.

Официально тетя Даша числилась в бухгалтерии, но давным-давно забыла, как выполняются ее прямые обязанности: ей было не до того. Гибель Поленова потрясла ее до глубины души, однако только по эгоистическим соображениям. Женщину пенсионного возраста заботило одно: оставит ли ее при себе новый начальник, оценит ли ее усердие и своеобразный талант или уволит. Поразмыслив, Михайлова решила: такие люди, как она, нужны везде, но все же не мешает вспомнить о своих прямых обязанностях и привести в порядок документацию, чем она и занялась с особой тщательностью.

К Валерии женщина направлялась по делу: ей нужно было распечатать в нескольких экземплярах один важный документ. Соколовскую тетя Даша терпеть не могла. Бывшие секретарши, или, правильнее сказать, бывшие любовницы, ее начальников относились к Михайловой уважительно и побаивались ее. Сучка Валерка не боялась никого, хамила Дарье Ивановне направо и налево, и это удивляло пожилую даму и даже оскорбляло ее. Став невольной свидетельницей разговора Валерии с оперативниками и почуяв, куда ветер дует, тетя Даша решила: ее час настал. Она остановилась у двери,

намереваясь услышать что-нибудь интересное, но, на ее несчастье, та распахнулась, и бесстыжая Валерка, стрельнув в Михайлову глазами, прямо-таки выпроводила милиционеров и захлопнула дверь.

- Вот сучка, - прокомментировала тетя Даша, обращаясь к оперативникам.

- Это вы про кого? - поинтересовался Скворцов.

- Про красотку нашу Соколовскую, про кого же еще, - с готовностью откликнулась Михайлова. - Как, бесстыжая, разговаривает! А сама-то по уши в грязи!

Дарья Ивановна не знала, что ее первые слова были услышаны секретаршей, не успевшей отойти от двери, и от мордобоя пожилую женщину спас телефонный звонок, на который Соколовская должна была ответить.

Разглядывая тетю Дашу, сыщики прекрасно поняли, что перед ними за птица. Для них такие люди всегда становились подарком судьбы, и они умели себя с ними вести. Сочувственное поддакивание, кивок - и Дарья Ивановна растаяла, как Снегурочка.

- Вы, вероятно, как никто, можете помочь следствию. - Павел галантно предложил даме руку, когда они стали спускаться по лестнице.

- Конечно, - с готовностью откликнулась Михайлова.

- Где мы можем поговорить? - спросил Константин.

Секунду Михайлова размышляла.

- У нас-то и поговорить негде, - задумчиво проговорила она. - Наш только последний этаж, да и то вы не найдете здесь свободной комнаты. Вам, как я понимаю, нужна конфиденциальная беседа, а у нас еще тот коллективчик, я вам расскажу. Подглядывают, подслушивают, - женщина вдруг остановилась и потрясла папками. - Ваше отделение находится недалеко, верно?

- Верно, - кивнул Павел.

– Буду через полчаса. – Тетя Даша оглянулась по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, добавила: – В какой кабинет мне подойти?

* * *

Разговор с оперативниками пролил Михайловой бальзам на душу. Она снова почувствовала себя не одинокой, никому не нужной пожилой дамой, а вершительницей судеб. Распечатав нужный документ не у стервы Валерки, а в офисе фирмы «Заря», где у нее работала подружка, женщина поспешила в бухгалтерию. Придя в кабинет, она стала аккуратно раскладывать папки, с удовольствием созерцая пустые столы сотрудниц: все ушли на обеденный перерыв, а ей предстоит помочь милиции, и только она одна может это сделать. Размышляя таким образом, женщина заметила на своем стуле листок бумаги с отпечатанным текстом и подняла его. Надпись гласила: «Если тебе, старая тварь, дорога жизнь, запри рот на замок!»

Тетя Даша не сомневалась в отправителе. Михайлова ехидно заметила про себя, что никому еще не удавалось напугать ее, быстро схватила сумку и бодрым шагом отправилась в отделение. Переходя дорогу, Дарья Ивановна продолжала думать о себе как о героине, не обратив внимания на вырвавшуюся из подворотни машину, на полной скорости помчавшуюся на нее.

* * *

Голливуд маячил на горизонте неизменной мечтой, но пока это было далеко. Ей предстояло закончить школу. Оставалось два года. Она не собиралась влюбляться, однако это чувство, к сожалению, редко спрашивает позволения. Ее избранником стал одиннадцатиклассник Алексей, самый красивый и умный мальчик в школе. Она решила: если ей суждено полюбить, пусть это будет достойный человек. Правда, она не учла, что Алексей может считать иначе, и начала преследовать его, используя женские хитрости: старалась чаще попадаться ему на глаза, стала посещать тренажерный зал, куда ходил и он. Но это не давало результатов. Она уже начала отчаиваться, но однажды самых спортивных учеников школы повезли на несколько дней в загородный лагерь на школьную спартакиаду. До этого она никогда не была так далеко от города и не представляла, какая красивая здесь природа. Лагерь находился на берегу реки, той самой, что омывала асфальтовые берега ее родного города и служила

сточной канавой для отходов со всех фабрик и заводов. Там, в городе, у нее никогда не возникало желания искупаться, а здесь кристально чистая влага так и манила в прохладное лоно. Она вдруг страстно полюбила реку. Возле мирно текущей воды хорошо думалось и мечталось. Она вставала в пять утра, совершала пробежку, а потом садилась на берегу, распустив свои шикарные волосы, и смотрела на сверкающую гладь. Здесь ей было хорошо, и никого не хотелось пускать в этот чудный, недавно открытый мир.

Однажды, сидя на своем любимом месте, она услышала шаги за спиной и скорчила гримасу: кто-то намеревался вторгнуться в ее пространство, и она внутренне сжалась от нежелания впускать незнакомца в сказку. Но этот незнакомец мог придать ее миру еще больше очарования. Перед ней стоял Алексей, решивший сегодня пробежаться пораньше, и с восторгом смотрел на ее волосы.

– Какие красивые! – он ласково провел рукой по ее роскошной гриве. – Тебя никогда не называли русалкой?

Она улыбнулась и покачала головой.

– Нет, – подумав, решил юноша. – Русалка – это прозаично. Тебе больше подходит «сирена».

Он сжал ее голову ладонями и зарылся лицом в пахучую волну. Потом, махнув на прощанье рукой, направился к лагерю. Как зачарованная, смотрела она ему вслед, думая, что эта встреча сблизит их, но ошиблась: это был единственный раз, когда Алексей обратил на нее внимание. Потом, в дни их пребывания в лагере, он мог поздороваться или дружески кивнуть, а мог пройти, словно не заметив. Точно так же продолжал вести себя и в школе. Ей не хотелось верить, что тогда, у реки, юноша на миг вошел в ее сказочный мир и поддался его очарованию, а теперь сказка кончилась. Она продолжала ловить его, однако это ни к чему не приводило. Парень не обращал на нее внимания.

Как-то раз на дискотеке (она не любила такие мероприятия и посещала их исключительно ради него) она увидела Алексея танцующим с одноклассницей Леной. Парень крепко прижимал девушку к себе, и в его симпатии не было сомнений. Казалось, он не замечал никого, кроме Лены.

А у нее самой отбою от кавалеров не было. Больше остальных суетился Юрка, хулиган и двоечник, наводивший ужас на учеников и учителей. Брат Юрки Сашка недавно вышел из тюрьмы, родители пили и не уделяли сыну никакого внимания. Юрка делал что хотел, сознавая свою безнаказанность. Он крепко схватил ее за руку, придвинул к себе и зашептал на ухо, обдавая мерзким запахом перегара и сигаретного дыма:

– Зря ты на него глазеешь. Он с Ленкой. А с тобой буду я. Я так решил. Ты напрасно упираешься.

– Убирайся к черту! – Она выдернула руку и, заметив, что Алексей куда-то направляется из зала, побежала следом. Выйдя в коридор, увидела, как юноша идет в свой класс, вероятно, причесаться или вытереть платком потное лицо. Шествовать за ним дальше было неудобно, и она пристроилась у одного из больших зеркал в коридоре, распустив волосы и начав расчесывать их. Скрип двери вызвал у нее замирание сердца. Вот он приближается, вот его шаги совсем рядом.

– Сирена, – раздался спокойный голос юноши, – что ты здесь делаешь? Прячешься от поклонников?

Он потрогал ее волосы и пошел в зал, не сказав больше ни слова и превращаясь в такую же далекую мечту, как Голливуд. Однако она не отчаялась. Однажды решив бороться за завоевание сказочного города, она собиралась бороться и за любовь.

– Я же сказал: он с Леной, – слышался знакомый мерзкий голос. – А ты будешь со мной!

Юрка схватил ее поперек талии и потащил к мужскому туалету. Он был сильнее всех в классе, и справиться с ним она не смогла. Затащив свою жертву в туалет, парень разорвал на ней колготки, задрал юбку и начал лихорадочно расстегивать ширинку. Мощный удар в пах поверг его на кафельный пол, а она опрометью бросилась к выходу, прыгая сразу через три ступени.

Известие о гибели тети Даши потрясло оперативников. Хуже всего, что на них повисло еще одно убийство. Очевидцев преступления оказалось мало – три человека. Двое вообще не видели машины, а лишь услышали глухой стук и подбежали к неподвижному телу, а третий, пятилетний мальчик, обратил внимание на машину и уверял, что это была «Волга» старой модели, последние цифры номера которой – две пятерки (он запомнил их, потому что должен был поступить в школу и мама напутствовала его учиться только на эти отметки). Хуже оказалось с цветом машины. Ребенок плохо разбирался в цветах и называл автомобиль то серым, то грязно-белым, то светло-голубым. Слушая свидетеля, сыщики вздыхали про себя, думая, сколько им предстоит работы. Однако никто не отчаивался. Старая «Волга» и две пятерки – уже кое-что. Еще была записка с недвусмысленным текстом, и кое у кого из оперативников не оставалось сомнений в том, кто ее автор.

Явившись в кабинет к красотке-секретарше и изложив ей цель своего визита, Скворцов и Киселев не ожидали, что Соколовская поведет себя так нагло. Правда, сначала на ее лице мелькнули удивление и испуг, но потом оно приняло уже знакомое нахальное и самоуверенное выражение. Любимый компьютер Валерии выдал ее с потрохами. Записка была напечатана на нем и даже не стерта. Ничуть не смутившись, бывшая любовница начальника ответила:

– Так вот что вы искали? Так бы сразу и сказали. Я бы избавила вас от хлопот и от дебильно-радостных выражений на лицах. Разумеется, записку старой сплетнице написала я.

Нелестный эпитет взбесил уставшего и голодного Константина. Еле сдерживаясь, чтобы не вlepить очаровательной женщине пощечину, он произнес:

– Вы, кажется, хотели познакомиться с нашим начальством? Какое совпадение! Оно тоже жаждет видеть вас. Собирайтесь, уважаемая. Внизу вас ждет лимузин. Возможно, не такой шикарный, как те, на которых возили вас ваши поклонники, но еще никто не жаловался.

Он подтолкнул красотку к двери, сетуя, что не может нацепить наручники на изящные запястья.

В кабинете следователя Мамонтова Валерия вела себя не менее нагло.

– Да, я признаю: записка – моих рук дело, – вызывающе оглядывая присутствующих, говорила она, – но к убийству тети Даши я не имею никакого отношения.

– Зачем вы писали ее? Чего хотели добиться? – поинтересовался Кравченко.

– Припугнуть ее – вот и все, – Валерия отбросила упавшую на лицо прядь волос.

– А когда поняли, что она все равно пошла в милицию, дали команду убить ее? – спросил Мамонтов.

– Сколько вам повторять? – красотка повернулась к полковнику. – К ней я не имею отношения. Этой запиской я хотела получить фору, чтобы подумать, как вести себя дальше. У меня хорошая семья, и муж ничего не знает о... ну, вы сами понимаете. И потом, даже если бы тетя Даша заткнулась, у нас на работе имеются тетя Паша, тетя Саша, тетя Глаша, готовые с удовольствием сообщить бы вам о моих отношениях с Поленовым. По-вашему, я должна их всех передавить? Не проще было бы взять пулемет?

– Почему же вы положили записку только тете Даше, если у нее имелись конкурентки? – ехидно спросил Павел.

– А потому, молодой человек, что ее не было в кабинете, – не менее ехидно ответила ему Валерия. – Позже моего посещения удостоились бы и другие словоохотливые дамы.

Следователь Мамонтов переглянулся с Кравченко:

– Мне кажется, милую девушку необходимо задержать как подозреваемую в убийстве.

Глаза Валерии расширились от ужаса. Мысль провести в отделении хотя бы несколько часов приводила ее в ужас.

– Почему вы считаете меня подозреваемой? – ее голос стал намного дружелюбнее. – У меня даже нет машины, и вообще в тот момент я была в офисе, это могут подтвердить.

– Мы и не настаиваем, что вы сидели за рулем, – сказал Мамонтов. – Но, услышав разговор наших оперативников с Михайловой, написав записку, вы поняли: записка адресата не испугала, и могли позвонить непосредственному убийце. Зря вы не хотите назвать его имя. Возможно, это ваш муж, ради кого еще вы бы стали так рисковать своей судьбой!

– Вася ничего не знает! – Секретарша теперь умоляюще оглядывала присутствующих. – Прошу вас, не говорите ему ничего! Вы разрушите мою семью!

– Разве вы не рушили ее на протяжении многих лет? – зло сказал Киселев.

– Я прошу, умоляю! – Соколовская готова была встать на колени.

– Тогда расскажите все, что вы от нас скрываете! – повысил голос полковник.

Валерия заплакала.

– Оставьте меня, пожалуйста, одну, – попросила она. – Мне надо подумать. И ничего пока не говорите Васе.

– Отведите ее в соседний кабинет, – распорядился следователь, – и принесите воды. Учтите, Валерия Евгеньевна, мы, в отличие от ваших коллег, не можем дать вам фору, на которую вы рассчитываете. Я выделяю вам час. Если в течение этого времени вы ничего не надумаете, тогда... – И он развел руками.

Проводив Соколовскую в кабинет и плотно закрыв за ней дверь, он вернулся к оперативникам:

– А мужа, голубчики, навестите. Побалакайте с ним о том о сем. Может быть, несчастный супруг в курсе, а красавица переживает.

– Соколовский не ездит на старой «Волге» неопределенного цвета, – заметил Константин. – Он возит своего шефа, директора фирмы «Ландыш», на черном «Мерседесе».

– Сейчас угнать машину не проблема, – Мамонтов махнул рукой. – Тем более для водителя такого класса. Как вы считаете, Алексей Степанович? – обратился он к Кравченко.

– Я думаю, Соколовская, вне сомнения, кого-то покрывает, – задумчиво произнес полковник. – Возможно, этот кто-то – ее муж, возможно, нет. Игорь Владимирович прав, навестите-ка Василия Соколовского и осторожно порасспрашивайте о работе жены. Если Валерия права и парень не в курсе, не надо информировать его об образе жизни супруги. Я надеюсь, она сама нам все расскажет или, по крайней мере, выведет на преступника.

Глава 9

До сегодняшнего дня Валерия Соколовская считала себя счастливой женщиной. Многие сказали бы: подумаешь, секретарь! За плечами – только курсы секретарей-референтов, которые этой даме ровным счетом ничего не дали: иностранного языка красotka не знала, с отсутствием грамотности помогал справляться компьютер. Но думающие так оказались бы в корне не правы. Эта женщина могла многое из того, чего не могли они. Во-первых, ей не грозила безработица. Сексапильная внешность служила пропуском на любое предприятие. Во-вторых, начальник любого предприятия, где появлялась Соколовская, непременно хотел сделать ее своей любовницей и готов был ради этого на все. В ход шли дорогие подарки, путевки для ее семьи на зарубежные курорты, стремление исполнить даже самые несбыточные желания. Валерия пользовалась всеми благами и в ответ ублажала своих начальников. Никто из них даже не догадывался, что красotka делала бы это и без всяких поощрений. Для нее, деревенской девчонки из бедной семьи, с пьющими родителями, ее рабочие места казались стремительным взлетом, а ухаживания шефов, имевших холеных жен в дорогих одеяниях или позволявших себе девочек на любой вкус и цвет, проливали бальзам на душу. Все-таки она доказала: она не просто Валерка из колхоза «Красные зори», где ее называли долговязой дылдой, а вечно пьяные парни с грязными ногтями отпускали сальные шуточки в ее адрес и лезли под

юбку. Она Валерия Евгеньевна, у ног которой – влиятельные люди, готовые выполнить любое ее желание. И еще она имеет хорошую семью: любящего, работающего, непьющего мужа и двоих очаровательных детей.

Григорий Васильевич Поленов нравился ей больше тех руководителей, которые были до него. Старше Валерии на пятнадцать лет, он прекрасно выглядел и обладал веселым нравом. С ним она испытала не только постельные радости. Женщина видела: для этого мужчины она не просто очередная телка-секретарша для тела и для дела, – а нечто большее. Об этом говорил его восхищенный взгляд, обращенный на нее, и снятая для свиданий однокомнатная квартира в центре города. Создавалось впечатление, что начальник не хотел расставаться со своей секретаршей ни на миг и всюду таскал за собой. Сплетницы вроде тети Даши были уверены: Поленов собирается разводиться, и в ужасе размахивали руками, пытаясь расспросить об этом Валерию. Та лишь смеялась в ответ, гордясь своей властью над мужчинами и не желая ничего менять в жизни.

Однажды, когда они, насытившись любовью, лежали на огромной кровати в квартире для свиданий, Григорий повернул к ней лицо, покрытое капельками пота, и произнес:

– Сегодня я хотел сказать тебе нечто очень важное.

Валерия присела на постели, глядя ему в глаза и не понимая, о чем может пойти речь.

– Понимаешь, – Поленов вздохнул и, достав лежащий на столике носовой платок, вытер испарину со лба. – Нана, моя жена, очень хорошая женщина, но я не могу больше жить с ней. Первые роды дались ей крайне тяжело, полгода она не подпускала меня к себе, а когда немного оправилась, я заговорил о втором ребенке, мальчике. Как всякий мужчина, я хотел иметь сына. Нана пошла мне навстречу. Врачи предупреждали о возможных последствиях, однако мы никого не хотели слушать. Жена родила мальчика, но после этого тяжело заболела. Она не может быть мне женой. Я знаю: моя супруга простила бы мне любые похождения, лишь бы сохранить семью. Но я слишком ценю ее, чтобы обманывать. Меня ранят слезы, которые она украдкой стирает со щек. Так больше продолжаться не может. Я решил развестись с ней и жениться на тебе. И медлить не собираюсь. Что скажешь?

– Ты сошел с ума. – Соколовскую до глубины души взволновало его предложение. Вот если бы в ее занюханной деревне узнали, какие мужчины готовы ради нее на все! Тем не менее она отрицательно покачала головой. – Гриша, твоя жена больна, а ты хочешь оставить ее, лишив той жизни, к которой она привыкла, – это не по-человечески.

– Нана с детьми не будет ни в чем нуждаться, – быстро ответил Поленов.

– Хорошо, допустим, со своей женой ты уже все решил. – Соколовская пристально смотрела ему в глаза. – У тебя с ней не ладится, и ты захотел сменить бабу. Выслушай меня, – продолжала Валерия, заметив, что Григорий собирается ее перебить: – Быть может, твое желание и разумно. Только тебе придется искать другую женщину, Гришенька. Я не пойду за тебя, потому что я, в отличие от тебя, люблю своего Васю, и у нас все прекрасно.

– Интересно, – Поленов попытался усмехнуться, – кем же был в твоей жизни я? Всего лишь очередным любовником, дающим некоторые развлечения?

– Я не скажу, что вообще ничего не испытываю к тебе, – пояснила секретарша. – Но это не любовь. Я любила, люблю и буду любить Василия.

– И продолжать изменять ему! – рассмеялся Григорий. – Насколько мне известно, я у тебя не первый возлюбленный. Зачем они тебе, если у тебя такая большая любовь к мужу?

Валерия ничего не ответила. Этот холеный мужчина все равно не понял бы ее.

– Может, все же подумаешь? – спросил Григорий, глядя обнаженное плечо любовницы.

– Нет, Гриша. – Соколовская встала и начала одеваться. – А если тебя смущают мои поступки, давай расстанемся.

– Ладно, больше не буду. – Поленов тоже оделся и подошел к окну. – Но не обещаю, что не заведу этот разговор снова. Все же я тебя люблю, хочу на тебе жениться, и это факт. А ты подумай.

Выглянув в окно, мужчина тогда не заметил стоящей за деревьями старой «Волги» с номером, оканчивающимся на две пятерки.

Глава 10

– Ребята, с вас бутылка! – вбежавший в кабинет Киселева, где сидели Лариса и Прохоров, Константин плеснул себе в стакан воды из графина и залпом выпил. – Среди моря машин неопределенного цвета чуть меньше их, родимых, с номером, оканчивающимся на пятерки. И до скончания века барахтаться бы нам в этом море, если бы не одна маленькая деталь... – Он сделал многозначительную паузу.

– Говори, не томи душу, – попросил Павел.

– Ну, ладно, поскольку вы мои любимые друзья, не буду испытывать ваше терпение. – Скворцов сел на свободный стул. – Так вот, среди этого безбрежного моря старых «Волг» и их хозяев нас заинтересовал один, владелец автомобиля светло-голубого цвета. Скажите, как его зовут? – пропел он.

Шутника Константина сегодня не поддержали. Всем не терпелось скорее покинуть душный кабинет.

– А, не знаете? – радостно вопил оперативник. – Кстати, мы его подозревали. Ларочка – молодец, и пусть хоть что говорят про женскую логику. Это Сванидзе Тевос Бадурович, отец жены Поленова!

Эта новость заставила оперативников оторваться от кресел и организовать работу в трех направлениях. Лариса поспешила к мужу Соколовской, Скворцов и Прохоров поехали домой к Тевосу Бадуровичу, а Павел стал приводить себя в порядок перед встречей с очаровательной женщиной – Валерией.

* * *

Василий Соколовский сегодня взял выходной. Его шеф улетел на пару дней в Москву, и парень позволил себе расслабиться, тем более что работал он фактически ненормированно и без выходных.

Сегодня он проснулся поздно. Лерочка давно ушла на работу, скушав завтрак, который он всегда готовил ей с вечера. Дети, Танечка и Олег, находились в лагере и были очень довольны: в разговорах с отцом они выражали нежелание возвращаться в душную квартиру. Сегодняшний день можно было бы посвятить себе, но Соколовский не относился к таким мужчинам. Василий решил сделать генеральную уборку и приготовить очень вкусный обед, пусть его любимая женушка войдет в сверкающие чистотой хоромы и отведает превосходную, не хуже ресторанной, еду.

Он уже облачился в старые брюки и полоскал в ведре половую тряпку, когда раздался звонок в дверь, и молодая симпатичная женщина, отрекомендовавшаяся работником УВД, вошла в квартиру. С первого взгляда Лариса увидела: Соколовская не обманывала насчет своей семьи. В этой квартире уют чувствовался. Каждое счастливое событие в жизни супругов Соколовских было запечатлено на множестве фотографий, расставленных и развешанных по углам комнат. Уютной выглядела не только квартира, но и сам муж, так трогательно держащий половую тряпку в руках! На секунду Лариса растерялась. Все заготовленные вопросы улетучились из головы. Впрочем, многие из них были бы излишними.

– Что-то случилось? – Василий первым нарушил неловкое молчание. Его красивое лицо выражало лишь удивление и любопытство.

– Я насчет Поленова, – оперативница взяла себя в руки. – Вы, наверное, слышали от жены о неприятном происшествии?

Теперь на лице молодого человека отразилось сочувствие.

– Слышал и очень переживал. – Он предложил Ларисе сесть и, бросив тряпку в ведро, сам уселся напротив нее. – Такой прекрасный человек! Жена о нем столько рассказывала. Григорий Васильевич сделал нам много добра. Благодаря ему наши детки сейчас отдыхают в лучшем загородном лагере, это благодаря ему мы с Лерочкой в прошлом году отдыхали в Турции. Впрочем, не буду перечислять всего. Добавлю: хвала и честь тем руководителям, которые умеют

видеть и ценить работу подчиненных. Я, например, тоже много работаю, однако мой начальник ни разу не предложил моей семье ничего подобного.

Слушавшей его излияния Ларисе стало смешно и грустно.

– Лерочка сказала мне вчера, – продолжал Василий, – что с убийством Григория Васильевича возможны большие перемены в ее жизни. Она в таком отчаянии, и я места себе не нахожу.

Кулакова вглядывалась в простоватое лицо собеседника и не могла отыскать ни крупницы лукавства. Все сказанное Соколовским казалось искренним. Перед ней стоял муж-простак, до безумия любящий жену и верящий каждому ее слову. Такой, даже застукав ее в постели, поверит не своим глазам, а ее словам. Конечно, можно пофантазировать и предположить: перед ней хороший актер и хитрец, прекрасно разыгрывающий свою роль. Позже это предположение надо даже проверить, но уже когда не останется других подозреваемых и дело не будет раскрыто. А пока Лариса распрощалась с Соколовским и поехала в управление.

Глава 11

Так и не надумав, как себя вести и что говорить, Валерия вошла в кабинет Киселева.

Она села на предложенный Павлом стул и молча стала разглядывать свои ухоженные, наманикюренные ногти.

– Значит, вы ничего не хотите мне сказать? – По ее внешнему виду Киселев понял: игра в молчанку продолжается.

Соколовская покачала головой. На секунду их глаза встретились, и Павел не увидел в них прежней уверенности и нахальства. Перед ним сидела обыкновенная, усталая и перепуганная женщина.

– Знаете, я могу вас избавить от этого неприятного занятия. – Оперативник не спускал с нее глаз. – Говорить буду я, а от вас потребуется сказать в конце моего рассказа – да или нет.

Валерия не шелохнулась. Киселева это не смутило.

– Вы сами признали, что были близки с Поленовым, – начал он. – Извините, если я позволю себе лишнее, но Поленов – не первый ваш босс, которому вы оказывали услуги интимного характера. Только с теми было проще: короткие встречи – и все довольны. Возможно, ваши предыдущие начальники оказались более ловкими, и их семьи ни о чем не подозревали, или более старыми, или более верными своим женам. Короче, как бы там ни было, ваши похождения никому не доставляли неприятностей. Начав встречаться с Григорием Васильевичем, вы столкнулись с неведомой раньше проблемой – его грузинскими родственниками со стороны жены. Они не пожелали терпеть измен зятя и решили поставить его, а заодно, наверное, и вас, на место. Что говорил вам Тевос Сванидзе по телефону? Какие угрозы слал? – Павел привстал со стула. – Впрочем, прошу прощения. Мы договаривались только на «да» или «нет». Угрожал ли вам отец жены Поленова, Тевос Сванидзе? От страха перед ним вы написали записку угрожающего характера? Уверяю, вам нечего бояться: через час он будет доставлен сюда и выслушает предъявленные ему обвинения. Они слишком серьезны: номер его машины совпадает с номером автомобиля, насмерть сбившего Дарью Михайлову. Отсюда он не выйдет и вреда вам не причинит. Так вы ответите на мой вопрос?

Валерия кивнула:

– Да, Сванидзе однажды выследил нас. Мне он звонил несколько раз на работу, угрожал сначала сообщить мужу, а потом, если это не поможет, расправиться со всей нашей семьей. Его бесило, что Григорий хочет оставить Нану и жениться на мне.

– Звонил ли он вам после гибели Поленова? – продолжал Павел.

– Да, – Валерия всхлипнула. – Он сказал: раз такое случилось, нужно не допустить позора и закрыть рот сплетникам. Еще он спросил, кто в этом плане у нас на работе наиболее опасен, и я назвала ему тетю Дашу. Но я же не знала... – Вид рыдающей Валерии поверг Киселева в шок. Она плакала, как маленькая

девочка, размазывая по лицу косметику и не боясь выглядеть некрасивой.

– Успокойтесь, – он подал Соколовской стакан воды, и та жадно выпила. – Это он предложил вам написать записку?

Женщина судорожно кивнула.

– А потом вы, понаблюдав за Дарьей Ивановной, поняли, что записка не подействовала, и позвонили ему?

Валерия снова кивнула. Секретарша задыхалась и не могла говорить. Павел счел допрос оконченным и отпустил ее домой под подписку о невыезде.

Глава 12

Старика Сванидзе сыщики отыскивали на даче. Тевос Бадурович имел небольшой участок, однако настолько любовно ухаживал за ним, что Скворцову и Прохорову показалось: они попали в кавказский курортный город. Благодарная хорошему уходу земля дала хозяину возможность вырастить пальмы и агавы, к дому и беседке вела аллея из вечнозеленых растений, беседку покрывал виноград, давая сидящим в ней тень и прохладу, а среди этого великолепия красовался чистенький и уютный коттеджик. На такой даче хотелось бывать как можно чаще. Константин и Петр поймали себя на мысли, что с удовольствием разлеглись бы в тени экзотических растений и заснули, вдыхая диковинные ароматы, а допрос отложили бы до другого раза. Эх, если бы не дело об убийстве и не готовый подозреваемый!

Сванидзе увидел незваных гостей и пошел навстречу, приветливо улыбаясь. Однако улыбка сошла с его лица, как только он узнал, с чем гости пожаловали.

Представившись хозяину дачи, Скворцов спросил:

– Скажите, Тевос Бадурович, вы являетесь владельцем светло-голубой «Волги» восьмидесятого года выпуска за номером 199-55 ПО?

– Я. А в чем дело? – Мужчина с тревогой посмотрел на оперативников.

– Вы в курсе, что два дня назад на улице Советской был совершен наезд на женщину? – начал Прохоров. – Водитель с места происшествия скрылся, а пострадавшая скончалась на месте.

– Бедная женщина! – Тевос Бадурович всем видом изобразил сочувствие. – Нет, я не в курсе. Газеты, по-моему, об этом не писали. Скрылся с места происшествия, говорите? И бывают же такие подонки! – Он вздохнул: – Но вы, конечно, пришли сюда не для того, чтобы рассказать мне эту историю?

– Конечно! – Скворцов был рад: наконец-то разговор сам собой направился в нужное русло. – Мы подозреваем, что за рулем машины находились вы.

Лицо мужчины побагровело, губы сжались, однако он взял себя в руки и спокойно спросил:

– Разве в нашем городе подобная машина имеется только у меня?

– У вас имелись основания причинить пострадавшей вред! – звонко сказал Прохоров.

– Правда? А кто она такая? – Сванидзе пришел в себя и попытался иронизировать.

– Михайлова Дарья Ивановна, – ответил Петр.

– Вам, молодой человек, это покажется странным, но я впервые слышу о такой даме. Почему же я должен был желать ее смерти? – не унимался грузин.

Стажер хотел все подробно объяснить подозреваемому, но Скворцов опередил его:

– Не лучше ли проехать с нами? Там мы вам все подробно объясним.

Тевос Бадурович пожал плечами и отправился в коттедж собираться.

– Я категорически не согласен с вашими подчиненными! – втолковывал Сванидзе следователю и полковнику Кравченко, – и еще раз заявляю: я не был знаком с убитой. Вам нужно лучше искать.

– А где вы были во время наезда? – поинтересовался Игорь Владимирович.

– А когда совершили наезд? – спросил Тевос Бадурович и, узнав время, с облегчением вздохнул:

– На это время, друзья, у меня имеется стопроцентное алиби: сидел на даче с внуками. Дочь попросила отвезти их туда и побыть с ними: она страшно переживала трагедию с мужем и не хотела, чтобы все видели дети. Так что я чист. Соседи могут подтвердить.

– Где находилась ваша машина? – спросил Мамонтов.

– На участке я сделал импровизированный гараж в виде шалаша. Помнится, в тот день она там и стояла, – развел руками Тевос Бадурович.

– И никто не мог ее украсть?

– Помилуйте, это можно было сделать только в мое отсутствие, а я находился там все время. Да спросите соседей, – не унимался Сванидзе.

Все находящиеся в кабинете чуяли: перед ними не убийца. Но как не хотелось расставаться с такой красивой версией, как не хотелось продолжать копать неизвестно в каком направлении!

– А все-таки пострадавшую вы знали, – заметил Скворцов. – Об этом сообщила любовница вашего покойного зятя, которой вы неоднократно угрожали.

– Не отрицаю, – спокойно отозвался Сванидзе, – с этим кобелем, моим покойным зятьком, надо было что-то делать, но я не хочу сказать: лишать жизни. Я видел: он задумал сбежать от Наны, отдавшей ему здоровье и молодость, к этой шлюшке. Естественно, как любой отец, видя страдания дочери, я обязан был отреагировать. Хорошо, что у этой проститутки, его секретарши, есть слабое место – муж. Боясь потерять его, она беспрекословно выполняла все мои

поручения. Однако убивать отца моих внуков! Мы не в горах, молодые люди!

Поговорив с Тевосом Бадуровичем и уже не сомневаясь в его невиновности, оперативники на всякий случай проверили его алиби и убедились, что он сказал правду. На его автомобиле не имелось никаких следов аварии, а они неизбежно должны были остаться при сильном ударе. Вызванный пятилетний свидетель заявил, что машина Сванидзе не того цвета, чем окончательно добил сыщиков. Приходилось начинать сначала и все же выполнить работу, от которой Скворцов хотел освободиться: искать нужную машину. Для этого нужно было проверить все автомобили с подходящим номером и цветом, и люди в управлении схватились за голову.

Однако им неожиданно повезло. На следующий день после разговора со Сванидзе в управление явился учитель известной в городе гимназии Иван Павлович Санько и поведал печальную историю: его десятилетний сын в его отсутствие залез в припаркованную возле подъезда машину (отец оставил дверцу открытой, потому что они всей семьей намеревались ехать к теще, и он на секунду поднялся в квартиру – помочь жене вынести сумки), повернул ключ зажигания, проделал манипуляции, которые изучил, наблюдая за отцом, и автомобиль поехал. Мальчишка знал, где педали тормоза и газа, но от неожиданности вместо тормоза стал жать на газ, и это кончилось печально. Сбив тетю Дашу, паршивец ухитрился поцарапать машину о грудку кирпичей в проходном дворе, явившуюся преградой новым несчастным случаем и остановившую автомобиль, после чего непутевый сын отправился к родителям и рассказал им все, за исключением наезда. О наезде взрослые догадались сами, однако боялись в этом признаться даже самим себе. Наконец отец не выдержал, прижал сына к стенке и выудил признание. Учительская честность все же взяла верх – и вот перед сыщиками нет больше тайны гибели Дарьи Михайловой. Осталось лишь нераскрытое дело об убийстве Поленова, которое все-таки повисло «глухарем».

Утром Киселев зашел в кабинет к Ларисе, рисовавшей на листе бумаги крестики и нолики. Выражения лиц обоих сыщиков выглядели кислыми.

– С одной стороны, радуешься, что человек невиновен, – сказала Кулакова, наливая Павлу чай, – а с другой...

Она не договорила, но оперативник понял ее без слов: убийцей мог быть маньяк. Только этого им не хватало!

Глава 13

Бабка Лукерья, жительница села Озерное, находящегося в двадцати километрах от Приреченска, встала в то утро рано. Сегодня она ожидала приезда из города сына с невесткой и внуками и хотела испечь свой фирменный пирог с мясом и грибами. Подойдя к умывальнику, расположенному во дворе, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, старушка с наслаждением вдохнула свежий ароматный воздух и посмотрела в сторону озера, окруженного живописным лесом. Село Озерное, жительницей которого она являлась вот уже лет пятьдесят, с недавних пор превратилось в курортную зону именно благодаря водоему. Один его берег заняли коммерсанты и, понастроив частные пансионаты и дома отдыха, перекрыли туда доступ обыкновенным людям. Правда, коренные жители не очень-то переживали. В их распоряжении остался второй берег, который они и посещали с огромным удовольствием. Да и не только они. В выходные дни возле воды яблоку было негде упасть: приезжали из трех соседних городов, ставили палатки и наслаждались купанием. «Хорошие у нас места, – подумала женщина. – Вот если бы мои родные могли бы это оценить и остаться здесь!»

Лукерья прекрасно понимала: в их селе, пусть даже курортном, сыну и невестке, людям образованным, никак не найти работы. Да и внукам лучше учиться в городской школе. А искупаться в озере для них не проблема; благо имеется машина и крыша над головой, все-таки приезжают в гости не к чужой тете, могут жить сколько хотят и кушать не ресторанный бурду, а вкусненькое, домашнее. Вспомнив о еде, старушка всплеснула руками. Конечно, как она могла забыть? Проклятый склероз! Муки-то на пирог не хватит! И как это ее угораздило? А все старческая болезнь, нужно попросить сыночка или невестку, чтобы привезли из города какое-нибудь лекарство от напасти. Ведь совсем недавно пекла лепешки, пригласив на чай свою подругу бабку Анну, и еще тогда подумала, что надо бы пополнить запас. Лукерья заметалась, как пойманная птица. Сельский магазин в выходные не работал, и страждущим приходилось ходить за три километра в другое село. Следовать их примеру старушка не собиралась. По выходным с транспортом туго, в ту сторону редко кто едет, а пешком ей уже не под силу. Придется занимать у соседей.

Вернувшись в дом, Лукерья посмотрела на настенные часы. Они показывали половину седьмого. Решив приготовить начинку, чтобы скоротать время и не

показаться соседям невежливой, она достала из холодильника мясо и грибы. В хозяйственных хлопотах час пролетел незаметно, и старушка стала собираться к соседям. Выйдя во двор и бросив взгляд на дом слева, где жили Фокины, она с огорчением вспомнила: еще вчера вечером те уехали в город к детям. Придется навестить соседей справа, Бобровых. Эта мысль не придала Лукерье радости. Бобровых она не любила, как, впрочем, и многие жители села. За что любить-то?

Бывает так: живут себе люди, вроде никому зла не делают, а не привлекают. Однако иногда бабка совершенно откровенно отвечала самой себе на вопрос, почему ей не нравятся Бобровы. Ей казалось: они слишком много о себе мнят. Правда, не исключено, что имеют на это право: люди образованные, Иван – агроном, Мария – учительница, сынок Рафаил (ну и имечко придумали, его все равно так никто не называет, все Рафик да Рафик) учился в городе в институте, а в селе образованных по пальцам пересчитаешь. Только пусть считают как хотят, а права такого им никто не давал – брезговать людьми. Как именно Бобровы брезговали, местные сплетницы не могли объяснить. При встрече с каждым жителем села они улыбались и здоровались, однако всем казалось: их улыбки неискренни, натянуты. Мария никогда не поддерживала с местными женщинами долгих разговоров: подойдет, постоит немного, скажет пару слов, а потом домой: то мужа кормить надо, то тетради проверять. Ну разве это не пренебрежение к простым людям? У многих, да вот хотя бы у нее, Лукерьи, дети тоже выучились и не ведут себя так. Это во-первых. А во-вторых, никто из села не решается сказать Марии про Рафика, хотя все знают, что после той ужасной истории с девушкой он так и не отошел и лечится, крыша малость поехала.

Постояв еще несколько минут и поругав про себя соседей, старушка твердым шагом направилась к их дому. Вот и забор выстроили не как у людей: большой, каменный, красивая железная дверь со звонком – выпендрож сплошной! Не то что у остальных! Калитки день и ночь распахнуты, в селе все друг друга знают и воров не боятся. Лукерья с силой приложила пальцем к кнопке звонка. Никто не откликнулся.

«Странно», – сказала себе женщина и позвонила еще. Но в доме не зашевелились. «Аль уехали куда?» – удивилась Лукерья, вспоминая, что не видела Бобровых уже дня три. В раздумьях она оперлась на дверь, которая оказалась незапертой. «Ну вот, потому и не отворяют», – решила старушка и громко крикнула:

– Мария!

Зовя хозяйку, она продвигалась в глубь ухоженного бобровского сада.
«Чаевничают, что ли?»

Лукерья дернула за ручку входной двери. Тоже не заперто. Старушка просунула голову в дверной проем и еще раз позвала хозяев. Безрезультатно. «Али в спальне сидят?»

Женщина прошествовала в прихожую и открыла дверь в гостиную. В нос ей ударил тошнотворный сладковатый запах. Иван Бобров лежал на полу в луже крови, раскинув руки, и смотрел на орущую соседку остекленевшими глазами.

Следственная группа из ближайшего города Залеска не заставила себя долго ждать. Вместе с участковым села Степаном Игнатьевичем милиционеры нашли и остальных членов семьи. Мария лежала в спальне, а Рафик – в погребе. По первоначальному заключению экспертизы, все трое были убиты ударом ножа в спину.

Обычно в деревнях и селах местные жители замечают много того, что помогает следствию. В данном случае свидетелей не нашлось.

Глава 14

Происшествие на той дискотеке не вселило в нее пессимизм и не заставило отказаться от намеченной цели. Любая достойная цель трудна, и тем приятнее будет на душе, когда ты ее достигнешь.

Придя на следующее утро в школу, она опять пыталась попасться Алексею на глаза и два раза ловила его рассеянную улыбку. Юрка, подойдя к ней в школьном дворе и больно схватив за руку, злобно сказал:

– А все-таки ты ему не достанешься! Я привык добиваться своего! Лучше тебе понять это сейчас.

– Отвали, козел, и не смей ко мне приближаться! – Она вырвала руку и плюнула Юрке в лицо.

Парень замахнулся на нее, однако она закричала:

– Не смей подходить ко мне ближе чем на километр, а не то я сообщу милиции!

– Смотри – не успеешь! – просипел Юрка и двинулся в школу. Краем глаза она заметила их классную руководительницу Анну Викторовну, созерцавшую ссору и не вмешавшуюся. Она знала почему: та боялась. А вот она не боится. Юрка стоял преградой на пути к ее мечте, а преграды необходимо устранять.

Иногда она задавала себе вопрос: что бы изменилось, если бы не появился Юрка? Алексей все равно ее не замечал, и надо было придумывать новые способы. Как-то вечером, расчесывая свои роскошные волосы, она вспомнила лагерь и их первую и единственную встречу. Тогда Алексей оценил ее красоту. Может быть, создать аналогичную обстановку?

Она решила послать Алексею записку, напечатанную на компьютере, с приглашением подъехать на автобусе № 20 до конечной остановки и выйти к реке. Ей было знакомо это место: летом они нередко ездили туда с мамой. На берегу много больших камней, она сядет на один из них, распустит волосы, он подойдет к ней, как тогда... Идея показалась замечательной. С запиской проблем не возникло, однако написана она была от имени Лены. Этим именем приход Алексея казался гарантированным.

Она приехала туда на полчаса раньше, выбрала самый большой камень, уселась на него и распустила волосы. На минуту ей почудилось, что она снова попала в сказку, и лучше бы в эту сказку никого не пускать, кроме... Вот послышались шаги. Она не обернулась, потому что знала: это он. И действительно, знакомый голос с удивлением произнес:

– Сирена? А ты что тут делаешь?

У нее замерло дыхание, она не знала, что ответить. Алексей улыбнулся:

– Похоже, нам с тобой нравятся одни и те же места. Ты никого здесь не видела?

Она покачала головой. Алексей попрощался и пошел вдоль реки. Из ее глаз покатались слезы. Ее возлюбленный шел искать Лену, а русалки или сирены ему были не нужны.

На следующий день Алексей, к ее немалому удивлению, сам подошел к ней в школе.

– Никогда так больше не делай. – Он вложил в ее руку скомканную записку и, не сказав ни слова, направился в свой класс.

Ей не стало больно. Она не потеряла веру в эту мечту. Его поступок придал ей сил. Может, и хорошо, что ее испытывают Небесные Силы. Потому что для исполнения второй мечты потребуется еще больше сил и умений.

Глава 15

Оперативная группа из Залеска во главе со старшим лейтенантом Николаем Ведерниковым, сидя в конторе участкового Степана Игнатьевича, ломала голову над так неожиданно свалившимся на них преступлением.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но дело пахнет «глухарем», – сказал, прихлебывая чай, Юрий Ряшенцев. – Не преступник, а фантом какой-то! Денег и драгоценностей не взял, следов борьбы экспертизой не обнаружено, жители ничего подозрительного не видели.

– Упаси боже, только фантома нам не хватало! – Николай перекрестился и предложил: – Давайте еще раз допросим соседей. Особенно эту бабку, которая обнаружила тела. Как ее, Лукерья, что ли?

Степан Игнатьевич выглянул в окно, крикнул игравшему неподалеку мальчику и велел немедленно позвать Лукерью Трофимовну Землякову. Женщина не заставила себя долго ждать. Оправившись от первого потрясения и шока и отправив домой приехавших детей (надо сказать, что, узнав о преступлении, те и сами расхотели здесь оставаться), старушка примчалась по зову милиции. Задав ей пару незначущих вопросов, Ведерников отметил про себя: Лукерья

разговорчива и горит желанием помочь следствию. Дав характеристику семье Бобровых, она остановилась, ожидая следующего вопроса.

– Вот вы сказали, Лукерья Трофимовна, – Николай придал своему голосу как можно больше уважения: он знал, что такой тон безотказно действует на старушек, – Бобровы – люди не очень гостеприимные, верно?

Землякова закивала головой.

– И тем не менее кого-то они впустили в свой дом? Как это могло случиться?

Старушка пожала плечами:

– Мария и Иван сроду бы никого в дом не впустили. Видите, какой забор отгрохали? Может быть, родню какую да еще нас, соседей. А чужого человека – ни за что. Тут, бывает, курортники ходят, просят то воды им дать, то хлеба, то соли. Я и мои односельчане считаем, что все люди: впустим, дадим, что просят, иногда и больше, а Мария или Иван просьбу выслушают, дверь свою чугунную захлопнут, бросят фразу: мол, подождите, а потом уже через калитку передают. Кстати, воду они наливали в пластиковую бутылку, чтобы не просили еще. А когда и вовсе не открывали. Иногда возвращаюсь домой и вижу: стучатся к ним с детьми маленькими, Мария через занавеску в доме выглядывает, а дверь не отпирает.

– Надеюсь, после этого случая и ваши односельчане не будут такими доверчивыми! – воскликнул старший лейтенант и вернулся к теме разговора: – И все же кто-то им приглянулся, соседям-то вашим. Не только дверь открыли, но и в дом впустили!

– Не могла Мария этого сделать! – стояла на своем Лукерья. – И Иван не мог!

– А Рафаил? – спросил Ряшенцев.

– Вот тот да, – губы старухи скривились в усмешке. – Он же малахольный. На голову малость того...

– Почему вы так говорите? – удивился Николай. – Рафаил – студент строительного института.

– Так я не говорю, что совсем больной! – махнула рукой Землякова. – С мозгами не все в порядке, это точно. У нас в селе жалеют его. После случая с Танькой Кошелевой ему крышу снесло.

– А что же случилось с Кошелевой? – не унимался Ведерников. – И вообще кто она такая?

Лукерья встала и поманила оперативников к окну.

– Вон, видите? – она указала на остроконечную крышу. – Там жила бабушка Тани и Никиты, старуха Кошелева. Ну, ее-то дом давно продали, а Нинка, мать, значит, Таньки и Никиты, невестка ее, деньги сразу пропила. А вот тот дом, – ее палец повернулся в другом направлении, – и поныне кошелевский, только там никто не живет. Хозяина убили, Танька погибла, Нинка пьяная угорела. Один Никита остался, в каком-то городе обитает, не то в Приреченске, не то в Залеске. Иногда заезжает могилы проведать, только нечасто.

Мало что поняв из рассказа словоохотливой старушки и вовсе не сообразив, при чем тут Рафик Бобров, Николай повторил вопрос:

– А Таня и Рафик встречались, что ли? Мы люди не местные, вы уж нам, будьте добры, все по порядку расскажите. Лучше вас этого никто не сделает.

Ободренная похвалой, старуха начала рассказывать. Речь ее не была плавной и не лилась, как вода из крана, к тому же по ходу рассказа женщина обязательно упоминала про всех детей и родственников. И все же сыщики смогли составить для себя более-менее ясную картину.

Харитон и Нина Кошелевы приехали в Озерное давно, откуда – никто не помнил. Сначала они вписались в озерский коллектив (оба любители приложиться к бутылке), однако потом коллектив начал их избегать. («Телевизор посмотришь – у нас одни пьяницы, – прокомментировала Лукерья. – Вранье какое! Ну любят люди выпить после работы, а что еще делать? Вот Нинка с Харитоном были самыми настоящими пьяницами, и их, кстати, не очень-то жаловали».)

В селах и деревнях дешевое вино и самогон льются рекой. Поэтому многие дети с подросткового возраста, а то и раньше пробуют зелье. Дети Кошелевых оказались другими. Они хорошо учились в школе (Таня была старше Никиты на год) и подружился только с Рафиком Бобровым, который тоже не жаловал любящих выпить. В последних классах школы между Таней и Рафиком вспыхнула любовь. Родители не препятствовали их встречам. Кошелевым было все равно, а Бобровым Татьяна нравилась. Девушка хотела вырваться из семьи, и Рафик казался ей спасательным кругом.

О планах молодых знало все село. После окончания школы Таня и Рафик собирались вместе уехать в Приреченск, поступить там в один институт, а исполнится восемнадцать лет – пожениться. Рафик мечтал найти работу, чтобы учиться и содержать семью. Через год супруги планировали забрать Никиту, чрезвычайно радовавшегося этому обстоятельству и не отходившего от Рафика ни на шаг.

Однако этим мечтам не суждено было сбыться. На семью Кошелевых обрушились несчастья. Как-то раз, придя домой после школы, Никита увидел, что в дымину пьяный Харитон избивает жену. У Нины уже закатились глаза, казалось: еще немного – и спасти ее будет поздно. Никита повис на руке у отца, однако тот сильно отпихнул сына, и мальчик, отлетев к стене, больно ударился и потерял сознание. Очнувшись, Кошелев-младший увидел: отец продолжает избиение. Он выбежал на кухню, где висела отцовская двустволка, и схватил ее. Сначала парень угрожал отцу, но тот в пьяном угаре ничего не слышал. Тогда Никита нажал на курок и выстрелил. Пуля просвистела около уха Харитона. Тот отпустил жену и двинулся на сына. Глаза его горели таким пламенем, что Никите стало страшно, и он вторично спустил курок. Пуля угодила отцу в лоб, и он замертво повалился на пол.

Суд над Никитой проходил формально. За парня заступилось все село, только мать не сказала ни слова: пьяная драка, так похожая на остальные, начисто выветрилась из ее головы. Мальчика, по сути, оправдали, дав год условно. Через полгода свалилось другое несчастье. Рафик, Никита и Татьяна отправились в лес на болота, и Татьяна утонула. Как двое здоровых парней допустили, чтобы девушка погибла, оставалось загадкой для односельчан. Но факт, что оба пытались спасти ее, был неоспорим: оба вернулись домой под утро, грязные, без верхней одежды, в одних трусах. Тела Тани так и не нашли.

После этой трагедии оба парня тронулись умом. Они перестали общаться друг с другом, мало того, смотрели друг на друга зверем. Мария и Иван, жалевшие Никиту, не могли понять, в чем дело, однако надо было заняться собственным сыном, которому Таня снилась по ночам, как, впрочем, и Никите, и якобы умоляла спасти ее.

По прошествии времени Рафик уехал в Приреченск и поступил в институт. Никита, закончив школу и успев похоронить угоревшую мать (продав дом умершей свекрови, Нинка напилась в доску и забыла выключить чайник, заливший газовую горелку), отбыл в неизвестном направлении.

С этого момента прошло четыре года. Бобров-младший приезжал к родителям на каникулы каждый год и каждый день ходил в лес, вероятно, на то место, где погибла Таня. О другой девушке, как говорила Мария, он и слышать не хотел. Никита за все это время приехал раза два. К Рафику не зашел, но в лесу тоже побывал.

– А когда последний раз видели Никиту? – поинтересовался Ведерников.

Лукерья пожала плечами.

– Я давно не видала, а вот соседка Фокина – вроде в прошлом году.

Выдав так много информации, старушка Землякова устала. Степан Игнатьевич вызвался проводить ее домой, а Николай и Юрий стали разгадывать свалившийся на них ребус.

– По-моему, первый подозреваемый у нас имеется, – высказал предположение Ряшенцев. – Никите Бобровы могли не только открыть дверь, но и впустить в дом.

– Вполне возможно, – согласился Николай. – Только почему парень, таящий зло на своего бывшего друга, решил свести с ним счеты через три года? Кстати, мы не знаем, что это были за счеты.

– Мы не знаем, что случилось в лесу, – задумчиво проговорил Юрий. – Ведь именно после этого дружба не разлей вода перестали быть таковыми.

– Вывод напрашивается только один. – Ведерников встал со стула и подошел к окну. – Татьяна не утонула. С ней произошло что-то более страшное, и парни об этом знают. Может быть, даже убийство.

– Тогда почему они лишь прервали отношения? – не согласился Ряшенцев. – Ведь каждый из них любил Татьяну. Один являлся ее женихом, другой – единственным братом.

– Не знаю, просто не представляю. – Ведерников помахал рукой возвращавшемуся Степану Игнатьевичу и повернулся к коллеге. – Придется Игнатьевича еще раз сгонять. Надо подробнее расспросить старушку Фокину, когда и сколько раз она видела Кошелева-младшего.

Глава 16

Зинаида Терентьевна Фокина была чуть глуховата, но обладала отличным зрением.

– Видела я Никиту, – с гордостью сообщила женщина, – и чаще чем раз в год. Правда, он все время норовил прошмыгнуть мимо, кепку на лицо натягивал. А я ему: «Здравствуй, Никита, некрасиво со старшими не здороваться».

– А он что же? – спросил Николай.

– Когда как, – махнула рукой Зинаида Терентьевна. – Иногда поздоровается, иногда отнекивался: мол, не знаю я вас.

– А в этом году видели? – поинтересовался Ряшенцев.

– Видела, – отозвалась старушка. – Кстати, совсем недавно, перед убийством-то этим самым. И опять не поздоровался, паршивец!

Поблагодарив зоркую бабулю, оперативники сели за стол и начали выстраивать версии.

– По-моему, убийца ясен, – Юрий крутил в руках карандаш. – Надо объявлять в розыск.

– Это мы с тобой обязательно сделаем, – кивнул Николай. – Да только знаешь, что меня смущает? Эти непонятные три года!

– Значит, не созрел еще, – пояснил Степан Игнатьевич. – Еще, Николай, подумайте вот над чем: кого Бобровы могли так спокойно впустить в дом?

– Это верно, – Ведерников вздохнул, – однако три года...

* * *

Никита Кошелев сидел на том самом месте в лесу и вспоминал события трехлетней давности. Иногда память отправляла его и в более далекие годы.

Судьба занесла их в Озерное, когда они с Танькой фактически были взрослыми людьми: ей исполнилось пятнадцать, ему – четырнадцать. Бабка Соня написала: неподалеку от нее по дешевке продается дом, и родители с радостью отправились в село. Ни отец, ни мать подолгу на одном месте не задерживались: кто станет держать на работе запойных пьяниц, особенно в городе? А в селе они сразу нашли и друзей, и работу: папа устроился трактористом, мама – кладовщицей. То, как пили Кошелевы, в селе считалось нормальным. И их пьяные разборки тоже. При каждой такой разборке, следовавшей с завидной регулярностью, дети убегали либо к бабушке, либо в сарай. Бабушка Соня жалела внуков, старалась повкуснее накормить, однако приютить у себя не хотела, наверное, боялась родителей. Как-то раз, спасаясь от очередной родительской ссоры, дети сидели в сарае, плотно прижавшись друг к другу и ожидая, когда утихнут крики в доме. Татьяна откинула назад свои роскошные волосы и спросила брата:

– Знаешь, чего я больше всего в жизни хочу?

– Чего? – с интересом спросил Никита.

– Не быть похожей на свою мать, когда вырасту. Ужасно, правда?

Мальчик кивнул и ничего не ответил. Он и сам не хотел походить на отца.

– Я тебя понимаю, – ответил он. – А на кого бы тебе хотелось быть похожей? Посмотри на наших женщин. Почти все ведут себя так же.

– Не все, – Таня обняла брата за плечо, – Мария Николаевна Боброва, наша учительница истории, например. Хочу быть похожей только на нее.

Никита давно заметил: сестра вела дружбу с сыном Бобровых Рафиком, и не имел ничего против. Бобров-младший ему нравился. А Рафаилу нравилась Таня. Впрочем, и Никита тоже. С каждым днем дружба становилась все крепче, наконец она окрепла настолько, что Кошелевы-младшие уже не укрывались в грязном и темном сарае, а бежали к Бобровым. Для них дом Бобровых был другим миром – миром идеальных отношений, где царствуют любовь и доброта. Они стремились туда всем сердцем. Мария и Иван тоже полюбили брата и сестру. Женщина ввела неременное условие: каждый вечер Таня и Никита ужинают у них, и готовила такие блюда, которые Кошелевы отродясь не ели. Кроме того, она следила за их успехами в школе и ненавязчиво направляла их.

Татьяне не надо было перестраивать себя. Она везде училась на «отлично». Никита же, имея прекрасные способности, хватал разные оценки, в основном тройки. А что еще прикажете получать, если за хорошие отметки тебя никто не похвалит, родители вообще не знают, что такое дневник, а в селе для отличников работы не найдется?

Занять другую позицию ему помог Рафик. Однажды вечером, когда Татьяна помогала Марии Николаевне готовить ужин, Бобров-младший спросил его:

– Кем бы ты хотел стать?

Вопрос застал Никиту врасплох. Он почесал затылок и ответил:

– Не знаю, не думал еще. Наверное, трактористом, как батя.

Рафик рассмеялся:

– Какие у тебя приземленные желания! Ну, а если помечтать?

Никита махнул рукой:

- Чего мечтать, если в нашем селе на другую работу не устроишься!

Рафик сначала просто покатился со смеху, однако быстро взял себя в руки:

- Наше село! Смотри! - Он схватил с книжной полки глобус и стал вертеть его перед носом мальчика. - Попробуй отыскать на нем наше село! Его здесь нет! Таких крохотных точек на картах не рисуют. Вот Москва. Огромный город, столица России, а на глобусе тоже такая маленькая! Особенно по сравнению со всем миром! - Он еще раз повернул глобус. - Неужели тебе не хотелось бы увидеть другие страны? Неужели все свои четырнадцать лет ты мечтал только о тракторе?

Никита потупился. Рафик разбередил его заветную мечту. Пожалуй, другу можно сказать.

- Я мечтал не о тракторе, а обо всем мире, - покраснев, признался он. - Моя мечта - стать моряком, военным или гражданским - неважно.

- Вот и прекрасно, - обрадовался Рафик.

- Что же прекрасного? - удивился Кошелев-младший. - Мечта неосуществима. - При этих словах его лицо искривилось, плечи ссутулились, Бобров это заметил:

- Ты сам решил, что это так, - сказал он, садясь рядом с Никитой и хлопая его по плечу. - Я так не считаю. Первым делом тебе надо начать хорошо учиться и получить хороший аттестат. Второе: в Приреченске есть средняя мореходка или речное училище. Обучение там около года. Заканчиваешь его на «отлично» и с красным дипломом - в любое училище, военное или гражданское.

- Правда? - Никита расцвел.

- Мне врать ни к чему. Особенно брату моей невесты. Татьяна тебе не говорила, что? мы собираемся делать после школы?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Тогда скажу я. Мы едем в Приреченск поступать в один институт на один факультет. Когда нам исполнится восемнадцать лет, мы расписываемся, я собираюсь учиться и работать, чтобы снять квартиру. В это время ты заканчиваешь школу и приезжаешь к нам. Тут и начинается твоя карьера!

Слушая друга, Никита не верил своим ушам. Он вырвется из этого затхлого мира и увидит другой, невыразимо прекрасный. Раз Рафик сказал, что эта мечта осуществима, он осуществит ее. Надо только приложить усилия.

Глава 17

На другой день Никита пришел в школу другим человеком. Он твердо решил взяться за учебу и стал если не отличником, то твердым хорошистом. Сэкономив деньги, купил глобус, спрятал в заветном уголке своей комнаты и по вечерам крутил его, представляя себя опытным морским волком, вроде тех капитанов, что он видел в кино и по телевизору. Однако страшный мир не желал отпускать мальчика.

Как-то раз, придя домой раньше Татьяны, он услышал дикие крики отца и против воли заглянул в родительскую спальню. Увиденное поразило и испугало его. Мать лежала на постели совершенно голая и пьяная до такой степени, что не реагировала на крики мужа, тоже абсолютно голого и размахивающего ножом. Из слов папаши мальчик понял: отец пытался привести мать в более-менее вменяемое состояние, чтобы она удовлетворила его любовный порыв. Однако Нина была слишком пьяна и, только когда Харитон провел лезвием по ее обнаженному бедру, оставив кровавую полосу, поднялась на кровати, бессмысленно глядя на мужа, на струящуюся кровь, а потом нечеловечески завывала.

– Убью! – Вид крови еще больше раззадорил Харитона: во второй раз он мог перерезать жене горло.

– Папа, не надо! – Никита кинулся в спальню и повис на руке у отца.

– А, ублюдок! Чертово семя, всех перережу!

Здоровый мужик отшвырнул хлипкого сына, как пушинку, сильно ударив мальчика по голове и собираясь повторить. Теряя сознание, Никита услышал голос сестры:

- Не надо! Прошу тебя, не надо!

Тогда он еще не знал: этот крик отпечатается в нем намертво.

Татьяна не стала хватать отца за руки, просто побежала к соседям, и тем удалось утихомирить распоясавшегося хозяина. Дело замяли: никому не интересно копаться в пьяной драке. В травмпункте, куда заставила Татьяну отвести мальчика Мария Николаевна, у него обнаружили легкое сотрясение мозга, однако он не собирался лежать на больничной койке: его звала мечта. Врач советовала полежать дома хотя бы пару дней.

«Дома, - усмехнулся мальчик, - ей хорошо говорить. У нее, наверное, есть дом». Доктор предупредила сестру: у Никиты возможны головные боли, но никто не предполагал, что они окажутся такими сильными. Голову словно разбивали на части, в глазах мелькали красные круги, но Кошелев молчал о своей боли: вдруг она помешает ему пройти медкомиссию и загубит мечту?

Тем временем дома дела шли своим чередом. И через месяц Никита стал свидетелем еще одной ссоры, на этот раз более ужасной и закончившейся трагически. Придя домой на этот раз, парень услышал разговор отца и Татьяны.

- Твоя мать больше ни на что не годна, - заявлял Харитон. - Она больше не женщина. Терпеть не могу пьяных женщин. Она должна напиваться тогда, когда я ей позволю, но, видно, совсем в расход пошла.

Никита видел, как отец схватил Татьяну за руку:

- Но я хороший семьянин и не собираюсь ходить на сторону. Ты заменишь мне мать.

- Папа, ты сошел с ума! - Татьяна попыталась вырвать руку, но отец прижал ее к себе, раздирая платье. Никита снова услышал тоненький голосок:

– Не надо, прошу, не надо!

Мальчик почувствовал, как в нем закипела кровь. Никогда в жизни не испытывал он такой агрессии, и она требовала выхода. Он выбежал в прихожую и схватил висевшую на стене двустволку. Вернувшись в комнату, парень направил ружье на отца:

– Сейчас же отпусти ее!

– А, ублюдок! – Отец ничуть не испугался направленного на него дула: то ли был сильно пьян, то ли не верил, что сын выстрелит. – Сам небось на сестру глаза пялишь? Убирайся к черту, пока я не вышиб тебе последние мозги!

Волна невыносимой ненависти захлестнула парня, и он нажал на курок. Пуля вошла отцу в лоб, и тот повалился как подкошенный.

Никита отделался сравнительно легко. Год условно, да еще участковый Степан Игнатьевич пообещал мальчику выдать хорошую характеристику, которая не испортит дальнейшую жизнь. Татьяна направо и налево твердила, что, если бы не выстрел Никиты, отец бы убил их мать (правду о случившемся брат и сестра говорить не хотели), и ей верили. Однако мальчик заметил: с некоторых пор девушка стала сторониться его.

Подслушав их с Рафиком разговор, парень укрепился в самых худших подозрениях.

– Я знаю, он хотел спасти меня! – Сестра и Бобров-младший разговаривали в гостиной Бобровых, а Никита притаился за дверь. – И все же боюсь его. Он сильно изменился после травмы. Иногда в его глазах я вижу такой блеск... Мне кажется, порой он просто испытывает желание убивать.

– Я тоже заметил. – Рафик ходил по комнате, сжимая и разжимая кулаки. – Что нам теперь делать?

– Взять с собой в Приреченск, как обещали, и показать там хорошим врачам, – предложила Таня.

– Боюсь, теперь это нереально. – Парень сел возле невесты и погладил ее по руке. – Во-первых, неизвестно, как он закончит школу. Во-вторых, я тоже его боюсь и не хочу жить в одной квартире с психически больным человеком.

– А если это пройдет? – робко предположила девушка.

– Тогда и речи нет. Но, боюсь, это навсегда, – подытожил Рафик.

Никиту захватила волна обиды и ненависти. Друг, которого он просто боготворил, собирался отнять у него сестру, единственного родного и близкого человека! Нет, он этого не допустит.

Глава 18

На следующий день Никита сам предложил Рафику и сестре прогуляться по лесу за подснежниками. Положив в карман кухонный нож, он не думал никого убивать. Ему казалось, стоит просто поугадать Рафика, и тот откажется от Татьяны или не станет их разлучать. Сначала они молча шли по лесу, любуясь весенней природой, собирали одиноко растущие первые весенние цветы (в том году их уродилось на удивление мало), заходя в самую глубь и пытаясь не попасть в болотную топь. Первым молчание нарушил Рафик. Веселый и нетерпеливый по натуре, он не мог долго заниматься таким нудным и немужским делом – сбором цветов – и неожиданно, подкравшись к Татьяне, схватил девушку на руки.

– Я леший! – закричал парень, кружа свою невесту. – Или водяной! Но я утащу тебя, красавица, в свое царство!

– Пожалуйста, не надо! – в притворном страхе закричала Таня, и ее крик подействовал на Никиту как позывные к действию. Купаясь в волнах агрессии и плохо соображая, что делает, он достал нож и подбежал к Рафику:

– Отпусти ее!

– Ты что? – Бывший друг с удивлением смотрел на него, опуская девушку на землю.

Но Никиту было не остановить. Он замахнулся, однако направленное в Рафика лезвие ножа поразило Татьяну, прикрывшую любимого.

Никита даже не понял этого. Каждый взмах ножа поражал плоть, и сестра уже не говорила, а шептала остоленевшему жениху:

– Беги, спасайся, только не заявляй на него. Он болен, он мой брат. Поклянись, это мое последнее желание.

Рафик закрыл лицо руками и помчался в село. Дальнейших своих действий Никита тоже не осознавал. Он бросил сестру в самое топкое место, потом разделся до трусов, бросив туда же окровавленную одежду, вымазался в грязи и отправился домой. С каждым шагом его охватывал ужас содеянного. Сначала отец, потом сестра... Он действительно болен. Рафик прав. Или это Рафик во всем виноват? Пожалуй, не только Рафик, а вся семейка Бобровых. Ведь жили же они без них! Пусть отец пил, пусть издевался над матерью, но они жили! Он отомстит за это, обязательно отомстит! Вот только дождаться очередного приступа агрессии!

Но очередной приступ агрессии не наступал. Злость на Рафика и Бобровых улетучилась бесследно. Сидя вечерами в запущенном саду, Никита думал, как ему не хватает не только сестры, но и бывшего друга, и Марии Николаевны. Но дорога к ним была ему заказана. Рафик сдержал слово, данное умирающей Татьяне: никто не узнал истину, однако при встрече с Никитой Бобров-младший опускал глаза и торопливо проходил мимо. Сколько раз Кошелеву хотелось подойти к старому другу и выплакаться на его плече! Но он понимал – это невозможно. Рафик никогда не простит, и правильно сделает. А как было бы хорошо рассказать ему хотя бы о своих снах! С недавних пор парню стала сниться сестра, почему-то в белом подвенечном платье. Она умоляла Никиту похоронить ее: там, где он ее оставил, очень холодно и страшно. Тогда-то парень и начал ходить в лес на то место, где убил Таню, и не отрываясь смотрел на черную болотистую жижу. Чего он хотел? Какого чуда ожидал? Что сейчас из топи, словно сказочная принцесса, выйдет его любимая сестренка? Нет, он действительно болен. Однако тогда что же тут делает Рафик? Никита встретил его однажды и потом часто видел на этом же месте. Как ему хотелось подойти и спросить: может, Татьяна обращается с аналогичной просьбой и к нему? Но он

не решился. А вскоре узнал: его бывший приятель поехал поступать в институт и успешно выдержал экзамены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/baskova_ol-ga/ty-budesh-tol-ko-moeu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)